

DOI: 10.15372/HSS20170405
УДК 930 (571) / "1820/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

**РУССКО-АБОРИГЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1820-е гг. – НАЧАЛО XX в.)
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье содержится обзор работ англоязычных и немецкоязычных исследователей, посвященных проблемам русско-аборигенных отношений в Сибири и на Дальнем Востоке в 1820-х гг. – начале XX в, когда управление сибирскими «инородцами» осуществлялось на основе специального законодательства, принятого в ходе сибирской реформы 1822 г. Установлено, что наибольшее внимание англо- и немецкоязычные исследователи уделяли выяснению причин и последствий принятия «Устава об управлении инородцев» 1822 г.; проблемам идентификации и самоидентификации, «национального» и «регионального сознания» «инородцев», их участию в общественно-политической жизни региона. Предпринята попытка определить общие закономерности развития русско-аборигенных отношений.

Ключевые слова: западная историография, Сибирь, «Устав об управлении инородцев» 1822 г., М.М. Сперанский, этническая идентичность.

D.A. ANANYEV

**RUSSO-ABORIGINAL RELATIONS IN SIBERIA AND FAR EAST
(1820s – EARLY XX CENTURY)
IN THE ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article aims to provide an overview of the English- and German-language studies on the history of Russo-aboriginal relations in the XIX – early XX centuries. In the West the most significant contribution to this research field was made by M. Raeff, Yu. Slezkine, A. Znamenski (USA), T. Armstrong, J. Forsyth, D. Collins (UK), A. Kappeler, E.-M. Stolberg (Germany) et al. Many foreign authors believe that the Siberian reform of M. M. Speransky (1822) opened a new phase in the history of relations between the indigenous and non-indigenous populations in Siberia. Western researchers focused on investigating reasons and effects of “The Statute of Alien Administration” (1822); processes of adaptation, acculturation and assimilation of indigenous and non-indigenous populations in Siberia and Far East; problems of identity and self-identity, national and regional consciousness of aboriginal population, its participation in the social and political life of the region. Based on the wide range of sources and field research findings the Western historians, anthropologists, ethnographers analyzed factors that determined various strategies for aboriginal people’s survival; tried to define general patterns of Russo-aboriginal relations in Siberia. Contemporary researchers come to conclusion that Russian colonization had mostly negative impacts on the life of Siberian aborigines. Whereas in the past scholars used to attribute the disastrous situation in which the aboriginal population found itself to contradictory policies of central and local authorities (M. Raeff, T. Armstrong), modern researchers argue that the Government bore the primary responsibility for the inefficient policy towards the “inorodtsy”. Some researchers (A. Znamenski, J. Forsyth, E.-M. Stolberg) emphasize the aborigines’ active role in interactions with Russians.

Key words: Western historiography, Siberia, “Statute of Alien Administration” of 1822, M. M. Speransky, ethnic identity.

*Статья выполнена в рамках Комплексной программы Сибирского отделения РАН, проект П.2/ХП.190-1 «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности».

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com.

Denis A. Ananyev – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

В представлениях западных исследователей, история взаимоотношений пришлого и коренного населения в Сибири – одна из важнейших сторон процесса «русской восточной экспансии». Изучению проблем русско-аборигенных отношений в Северной Азии посвящена обширная историография на английском и немецком языках. Особое внимание зарубежные авторы уделяли периоду, охватывавшему вторую четверть XIX – начало XX в., когда управление сибирскими «инородцами» осуществлялось на основе специального законодательства, принятого в ходе Сибирской реформы 1822 г. Цель настоящей статьи — определить круг проблем, вызывавших наибольший интерес западных исследователей, и оценить их вклад в изучение истории русско-аборигенных отношений в Сибири в XIX – начале XX в.

Как считают многие зарубежные авторы, принятие в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», разработанного М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым, положило начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Существенный вклад в изучение этой темы внес американский историк Марк Раев (1923–2008), автор монографии «Сибирь и реформы 1822 г.», опубликованной в 1956 г. в Сизтле и получившей высокую оценку зарубежных и отечественных исследователей [1–3].

Развивая концепцию историков Калифорнийской школы (Дж. Ланцева и др.), М. Раев противопоставил патернализм правительственного курса в отношении «инородцев» действиям коррумпированного сибирского чиновничества. Политику М.М. Сперанского в отношении аборигенных этносов историк определил как «органичную русификацию», способствовавшую культурной и социально-экономической унификации населения Сибири и упрочению основ унитарного государства [1, р. 129–136].

В 1965 г. известный британский исследователь Т. Армстронг в своей работе «Русское заселение Севера» во многом воспроизвел выводы М. Раева [4, р. 117]. По словам Т. Армстронга, разрыв между либеральным отношением правительства и грабительскими действиями местных властей вызывал обеспокоенность М.М. Сперанского. Его реформы, воплощенные в Уставе 1822 г., имели целью улучшение участи коренного населения и ограничение возможностей для его эксплуатации. Автор реформы стремился к «органическому», не навязанному сверху включению инородцев в русское общество, без какого-либо принуждения. И цель, и способы ее достижения британский исследователь счел похвальными, отмечая, что в итоге Устав 1822 г. оставался в силе на протяжении почти целого века.

Западные исследователи 1950–1970-х гг. разделяли мнение, что авторы Устава 1822 г. намеревались гарантировать «инородцам» широкое самоуправление, дополнив традиционные элементы родоплеменного устройства новой системой учреждений («родовых управлений», «инородных управ» и «степных дум»). Позиция царского правительства в отношении сибирских инородцев расценивается большинством авто-

ров скорее как «политика невмешательства», которая имела как положительные, так и отрицательные стороны [5–8].

Современный немецкий историк А. Каппелер видит в Уставе 1822 г. сочетание политики прагматизма Московского государства по отношению к национальным меньшинствам с просветительскими целями и цивилизаторской миссией [9, с. 126]. Замысел реформаторов А. Каппелер, однако, подверг критике, поскольку вновь созданная правовая категория «инородцев», по его мнению, превращала часть нерусского населения империи в «граждан второго сорта».

Западной историографией был воспринят вывод советского историка М.М. Федорова [9–12], полагавшего, что образцом для законодательства М.М. Сперанского послужил Проект устава о сибирских инородцах, составленный в 1798 г. Документ предусматривал замену существовавшего беспорядка в юридической терминологии («иноземцы», «иноверцы», «ясачные люди») на единую категорию – «инородцы», а также имел своей конечной целью превращение «неоседлых» народов в «полноценных» (т. е. перешедших на оседлый образ жизни) граждан государства. Таким образом, по замечанию американского исследователя Дж.У. Слокума, «образ жизни» (оседлый или кочевой) начал оттеснять религию в качестве «существенного критерия различий» между русскими и нерусскими на восточных окраинах империи [11].

Американский историк Ю. Слезкин усматривает истоки противопоставления пришлого и аборигенного населения в сохранявших свое влияние теориях и идеях эпохи Просвещения. Следуя представлениям о трех возрастах человечества, М.М. Сперанский полагал, что каждое общество проходит через стадии детства, зрелости и старости и что «законодатель не может и не должен менять этот возраст, но он должен знать его точно и управлять каждым в соответствии с его собственным характером» [10, с. 102]. Вслед за советскими историками Ю. Слезкин подчеркивает роль, которую в подготовке Устава 1822 г. сыграл соратник М.М. Сперанского — декабрист Г.С. Батеньков, определивший соответствие трех основных географических зон Сибири («северной, средней и южной») трем типам экономического развития («возрастам»). По типу хозяйства народы Сибири были отнесены им к категориям «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Все сибирские аборигены формально объявлялись «инородцами». Оседлые в правовом отношении приравнивались к русским тех же сословий (как правило, к купцам и государственным крестьянам); кочевники и «бродячие» продолжали платить ясак.

Предполагалось, что «инородцы» будут постепенно, без принуждения со стороны властей, переходить из одной категории в другую («прогрессировать»), хотя, по мнению Ю. Слезкина, авторами реформы не предусматривалось окончательного превращения «инородцев» в «русских»: даже «оседлые» имели особый статус, поскольку освобождались от рекрутской повинности — «без указания на то, как эту

черту перейти, и можно ли перейти ее вообще» [10, с. 105]. У. Дж. Слокум уточняет, что после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. правительство постепенно начало урезать данную официальную привилегию (так, оседлые «инородцы» более не освобождались от военной службы). Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. «само понятие “русскость” все более и более осмыслялось в этнических категориях, затрудняя для любого “чужака” возможность стать русским» [11, с. 509].

Опираясь на работы отечественных авторов [13–15], западные историки пишут о многочисленных трудностях, связанных с практической реализацией положений Устава 1822 г. По словам Ю. Слезкина, «роды» не могли функционировать как постоянные административные единицы; новые крестьяне оказались не в состоянии платить налоги, кочевники отказывались платить ясак деньгами, надеясь избежать включения в категорию «оседлых» [10, с. 109]. В то же время попытки формально уравнивать статус оседлых инородцев со статусом русских крестьян встретили «жестокое бюрократическое сопротивление» [11, с. 510–511].

Наиболее последовательно политику самодержавия в отношении сибирских аборигенов критикует современный британский исследователь Дж. Форсайт. В частности, он цитирует труды «областников» и советских историков-марксистов, писавших о колониальной политике царизма [16]. Дж. Форсайт приводит свидетельства современников о том, что в XIX в. все сибирские аборигены, за исключением бурят, якутов и полунезависимых чукчей, достигли состояния «деморализации и полунизищенного состояния», страдая от эпидемий болезней, злоупотребления алкоголем, а также эксплуатации и ограбления со стороны русских торговцев и крестьян. Одним из наиболее вопиющих положений «конституции» 1822 г. исследователь называет объявление всей земли собственностью Российского государства, «которое великодушно позволило аборигенам использовать ее в соответствии со своими собственными правилами» [16, р. 154–160].

Общая же тенденция и направленность реформы 1822 г., по мнению британского исследователя, заключалась в том, чтобы побудить, а при необходимости заставить кочевые народы отказаться от своего традиционного образа жизни и осесть на земле в качестве крестьян. Итогом такого ограничения и в конечном счете запрета «на номадизм» (с целью высвобождения пахотной земли) стало разорение бывших кочевников.

Британский историк А. Вуд в своем обобщающем исследовании по истории Сибири, опубликованном в 2011 г., также подверг критике имперскую политику в отношении сибирских «инородцев» [17]. Преисполненный благих намерений реформатор, по мнению А. Вуда, в итоге сумел лишь создать колониальную систему управления, наполненную бюрократическими идеями и основанную на административном произволе. Она всецело ориентировалась на интересы имперского государства и игнорировала нужды, обычаи и практики аборигенного населения [17, р. 110–117].

Современный немецкий историк Д. Дальманн признает, что замысел реформаторов не был в полной мере воплощен в жизнь (хотя, в отличие от А. Вуда и Дж. Форсайта, полагает, что податное бремя для аборигенов в итоге существенно уменьшилось) и что Устав 1822 г. можно рассматривать как «проявление европейского чувства превосходства». Вместе с тем, по мнению исследователя, реформа все же коренным образом изменила положение аборигенных народов, признав за ними право на собственную систему управления, юрисдикцию и социальное устройство, что для начала XIX в. было совершенно беспрецедентным явлением. Де-юре сибирские этносы получили большую самостоятельность и больше прав, чем крепостные крестьяне в Европейской России [18, р. 150–169].

В свою очередь, немецкая исследовательница Э.-М. Столберг приходит к выводу, что на рубеже XIX–XX вв. самоуправление инородцев, предусмотренное реформой М.М. Сперанского, было подорвано притоком колонистов, начавшимся после крестьянской реформы 1861 г. [19, р. 283]. Местная администрация в лице губернаторов способствовала объединению систем управления русским и аборигенным населением, что было равнозначно русификации. По мнению исследовательницы, то обстоятельство, что крестьяне-инородцы, занятые земледелием, должны были управляться на основе принципов, действовавших в русской общине, не свидетельствовало о гибкости российского законодательства. Включение некогда кочевых народов в состав крестьянского сословия Э.-М. Столберг также связывает с идеей привлечения инородцев к военной службе, что, с точки зрения правительства, имело особое значение для восточных окраин, учитывая их слабую заселенность.

В западной историографии преобладает точка зрения, согласно которой к началу XX в. положение аборигенных этносов Сибири в целом ухудшилось. Хозяйственная деятельность русских (аграрная колонизация, осушение болот и вырубка лесов, строительство железной дороги и т.п.) разрушала естественный образ жизни и привычную среду обитания сибирских народов. Негативное влияние оказывали также занесенные болезни и социальные недуги (алкоголизм, рост преступности и пр.).

Многие наблюдатели, описывавшие ситуацию в Сибири на рубеже XIX–XX вв., предполагали, что указанные процессы неизбежно приведут к исчезновению большинства сибирских народов. Действительно, численность многих из них резко сократилась (в частности, у юкагиров, ительменов, коряков, некоторых групп кетов, ненцев и нганасанов). Вместе с тем западные исследователи (Т. Армстронг, Дж. Форсайт) подчеркивают, что, несмотря на болезни и бедность «инородцев», общая численность коренного населения Сибири продолжала расти вплоть до начала XX в., а исчезновение некоторых этносов зачастую объясняется поглощением их другими народами.

Культурному сближению пришлого и коренного населения должна была способствовать деятельность

православных миссий, итоги которой в западной исследовательской литературе оценивали О. Кобцев, Д. Коллинз, А. Знаменский и др. [20–22]. Для большинства авторов несомненна прочная связь между светскими и церковными властями в Сибири, но, в отличие от советских историков, они не считали христианское миссионерство орудием европейского колониализма. Исследователи отмечают, что, хотя во многих случаях христианизация носила поверхностный и формальный характер, усилия миссионеров оставили глубокий след в культуре аборигенных народов.

Впрочем, аккультурации и ассимиляции подверглось и пришлое население. Так, Т. Армстронг и В. Сандерланд, опираясь на многочисленные свидетельства современников, пишут о процессах «обынородчивания», когда русские, перенимая методы выживания в экстремальной среде, полностью воспринимали чужую культуру и переставали отличаться от коренного населения [23].

Проблемам этнической идентификации и самоидентификации сибирских этносов посвящены многочисленные работы зарубежных антропологов и этнографов. В начале XX в. изучение этнографии народов Сибири осуществлялось в рамках международных научных проектов – например, Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897–1902 гг. Изданные на Западе труды ее участников (В.Г. Богораза, В.И. Йохельсона), а также С.М. Широкогорова, М. Чаплицкой, А. Хэллоуэлла и других составили, по определению П. Джордана, «фонд классических этнографических исследований», опубликованных на английском языке [24; 25].

С конца 1920-х гг. интерес западных ученых к сибирской этнографии оставался ограниченным из-за отсутствия возможностей для полевых исследований и прекращения научных контактов на прежнем уровне. Более активное изучение истории и современного состояния народов Сибири на Западе началось с конца 1980-х гг. В условиях возрождавшегося национализма — мощной политической силы, способствовавшей распаду СССР, возникло влиятельное исследовательское направление, связанное с изучением идентичности — в первую очередь, «этнической идентичности».

Так, М. Балцер в монографии, посвященной прошлому и настоящему остяков (ханты), пришла к выводу, что итогом русской колонизации, христианизации и индустриального развития стало разрушение привычной среды обитания аборигенов. По ее мнению, во избежание окончательного упадка и гибели коренного населения необходимо активно влиять на процесс формирования его «этнической идентичности», стремиться сохранить традиционную культуру, дав повод гордиться своей самобытностью [26]. В работе канадского антрополога Д. Андерсона рассматривается проблема «этнической идентичности» народов, проживающих в низовьях Енисея (ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.). В соответствии с принципами конструктивистского подхода он показывает, что этнографическая наука часто (в том числе в дореволюцион-

ный период) использовалась в качестве «первичного инструмента социальной власти», результатом применения которого явилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т.п. [27].

По мнению западных исследователей, на рубеже XIX–XX вв. процессы модернизации способствовали формированию регионального и национального самосознания у сибирских народов (в первую очередь, у наиболее многочисленных — якутов и бурятов), их активному участию в общественно-политической жизни региона в начале XX в. Постепенное выравнивание правового статуса коренного и пришлого населения сопровождалось перераспределением земель, традиционно находившихся в пользовании аборигенов. А. Каппелер указывает на «остро драматические противоречия между скотоводами-кочевниками и подержанными российским правительством европейскими переселенцами в их борьбе за плодородные земли» в южных районах Степного края. Одним из итогов этого противостояния явилось среднеазиатское восстание, вспыхнувшее летом 1916 г. и затронувшее территорию юга Западной Сибири. Непосредственным поводом для беспорядков послужило повеление от 25 июня 1916 г. о призыве инородцев на тыловые работы, однако основной причиной восстания историк называет «общую систему российского колониального господства» [9, p. 260].

Дж. Форсайт сообщает о движении среди бурят, которых побудили к политической деятельности преобразования, начатые царским правительством (упразднение степных дум, введение волостной системы, изъятие земли у бурят и перераспределение ее среди русских переселенцев и др.). На собраниях бурят, состоявшихся в 1903 г. (в частности, в Чите), высказывались требования внутреннего самоуправления и открытия школ с преподаванием на бурят-монгольском языке. По заключению Дж. Форсайта, буряты являлись единственным народом на юге Сибири, достаточно многочисленным, чтобы удержать за собой свои земли и сохранить свою этническую идентичность, тем не менее даже им не удалось сдержать натиск русских.

Интерес западных исследователей вызывает и деятельность «Союза якутов», созданного в январе 1905 г. под руководством В.В. Никифорова. Лидеры движения требовали введения в Якутии земского самоуправления, представительства якутов в Государственной думе; передачи всей земли якутскому народу, прекращения полицейской опеки и предоставления якутам гражданских прав. Э.-М. Столберг характеризует движение якутов как «антиколониальное», однако вслед за российским историком Е.П. Антоновым замечает, что в случае с «Союзом якутов» речь шла не о националистическом объединении — организация лишь пыталась начать культурный диалог с российским обществом и боролась за равноправие якутов и русских [19, p. 283]. По мнению Дж. Форсайта, «события 1905–1906 гг. показали, что у якутов развивалось чув-

ство национальной идентичности, и этот процесс продолжался и в дальнейшем» [16, р. 164].

В движении «бурханистов», развернувшемся на Алтае накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., Дж. Форсайт усматривает организованное выражение «национального самосознания алтайских тюрков». Протестное движение возникло в 1905 г. и на другой стороне Кузнецкого Алатау – среди енисейских тюрков, основными формами протеста против русских властей стала неуплата налогов и вырубка деревьев в казенном лесу.

По мнению Дж. Форсайта, о пробуждении политического сознания народов Южной Сибири свидетельствовал съезд енисейских тюрков, состоявшийся в ноябре 1905 г. в Аскизе. Делегаты съезда приняли законопроект о национальной автономии (аналогичный тому, что был сформулирован на бурятской конференции в том же году), а также обсудили идею учреждения «Союза сибирских инородцев» для защиты интересов коренного населения. По верному замечанию британского исследователя, хотя «имперскому режиму» и удалось сдержать спонтанное антиколониальное движение, развернувшееся в начале XX в. на юге Сибири, этому движению суждено было набирать обороты, поскольку породившие его причины не были устранены.

Американский исследователь А. Знаменский замечает, что Дж. Форсайт в своем исследовании отодвинул на второй план культурное взаимодействие между аборигенами и русскими и сосредоточил основное внимание на сопротивлении и колониальном насилии, не выходя, таким образом, за рамки концепции «внутреннего колониализма» (популярной в США в 1960–1970-х гг. и применявшейся для изучения этноистории североамериканских индейцев) [28]. Вместе с тем, по мнению А. Знаменского, парадигма «внутреннего колониализма» не улавливала всей сложности межкультурного диалога между коренным и пришлым населением. Аборигены не воспринимали пассивно культурное и экономическое влияние со стороны пришлого населения. Скорее, они выборочно включали элементы чужой экономики и культуры в свой жизненный уклад.

Анализируя причины, позволявшие аборигенам играть более значимую роль в колониальных империях, западные исследователи, как правило, указывают на географическую изолированность и сохранение традиционного самообеспечивающегося хозяйства [29, р. 59]. В тех регионах, где колониальные силы незначительно нарушили или даже усилили традиционный хозяйственный уклад аборигенов, у последних появилось гораздо больше возможностей для политического и культурного диалога на равных.

Примером таких равноправных и сбалансированных отношений А. Знаменский называет этническую историю чукчей, рассматривая ее через призму концепции «культурной и политической “срединности”», сформулированной Р. Уайтом в 1991 г. Согласно этой концепции, «ситуация срединности» позволяет аборигенным группам создавать и сохранять свое культурное

пространство даже в условиях интенсивных контактов с пришлым населением. А. Знаменский показывает, что условия, описанные А. Ройс и Р. Уайтом, существовали в Северо-Восточной Сибири и позволили чукчам сохранить гегемонию и суверенный статус. Среди этих условий следует отметить географическую изолированность полуострова, отсутствие значимых ресурсов (из-за чего Россия не стремилась любой ценой подчинить данную территорию); самообеспечивающееся оленеводческое хозяйство, за счет которого выживали не только чукчи, но и русские; торговое соперничество между колониальными державами (Россией и США), усилившее посредническую роль чукчей [28].

Таким образом, наибольшее внимание англоязычные и немецкоязычные исследователи уделяли выяснению причин и последствий принятия «Устава об управлении инородцев» 1822 г., проблемам идентификации и самоидентификации, национального и регионального самосознания «инородцев», их участию в общественно-политической жизни региона. Большинство авторов приходят к выводу о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири. Но если раньше исследователи склонны были видеть главную причину бедственного положения коренного населения в разнонаправленности действий центральных и местных властей, то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает прежде всего правительство. Вместе с тем в ряде работ (А. Знаменский, Дж. Форсайт, Э.-М. Столберг) подчеркивается активная роль аборигенных этносов во взаимодействии с русскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956. 210 p.
2. Shimkin D.B. Rec. ad op.: Marc Raeff. *Siberia and the Reforms of 1822* (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices) // *American Anthropologist*. 1958. Vol. 60, N 1. P. 190.
3. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. 339 с.
4. Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965. 224 p.
5. Conolly V. *Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements*. New York, 1975. 248 p.
6. Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов Севера в зарубежной историографии // Докл. межвуз. науч.-теор. конф. Петропавловск-Камчатский, 1995. Ч. 2. С. 3–25.
7. Dunn S., Dunn E. *The Peoples of Siberia and the Far East // Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*. Stanford, 1972.
8. Kolarz W. *Russia and Her Colonies*. London, 1953. 335 p.
9. Каннелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
10. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. 512 с.
11. Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии*. М., 2005. С. 502–531.

12. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). Якутск, 1978. 287 с.

13. Конева А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVII – начало XX вв.). М., 1995. 220 с.

14. Шапков С.С. Исторические этюды. СПб., 1872.

15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 472 с.

16. Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992. 476 p.

17. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011. 320 p.

18. Dahlmann D. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009. 438 S.

19. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2009. 329 S.

20. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // Sibirica II. Lancaster University. 1986. N 2. P. 6–15.

21. Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // Church, nation and state in Russia and Ukraine / Ed. by G. Hosking. London, 1990. P. 96–207.

22. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London, 1999. 320 p.

23. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обыкновенное» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199–227.

24. Schweitzer P. Silence and Other Misunderstandings: Russian Anthropology, Western Hunter-Gatherer Debates and Siberian Peoples // Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance and Self-Determination / Ed. P. Schweitzer, M. Biesele and R.K. Hitchcock. New York, 2000. P. 29–51.

25. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction // Landscape and Culture in Northern Eurasia / Ed. by P. Jordan. Left Coast Press, 2010. P. 17–45.

26. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, 1999. 326 p.

27. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000. 270 p.

28. Znamenski A. «Vague Sense» of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's Status in Nineteenth Century Northeastern Siberia // Arctic Anthropology. 1999. Vol. 36, N. 1/2. P. 19–36.

29. Royce A. Ethnic Identity: Strategies of Diversity. Bloomington, 1982. 247 p.

REFERENCES

1. Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956, 210 p.
2. Shimkin D.B. Rec. ad op.: Marc Raeff. Siberia and the Reforms of 1822 (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices). *American Anthropologist*, 1958, vol. 60, no. 1, p. 190.

3. Dameshek L.M., Dameshek I.M., Pertsova T.A. Siberian Reforms of M.M. Speransky, 1822: Experience of Administrative Regulation of Interests of Central and Local Authorities. Irkutsk, 2017, 229 p. (In Russ.)

4. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965, 224 p.

5. Conolly V. Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements. New York, 1975, 248 p.

6. Korchagin Yu.V. Policy of the Russian Autocracy and Traditional Societies of Northern Peoples in Western Historiography. *Doklady*

mezhvuz. nauch.-teor. konf. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 1995, pp. 3–25 (In Russ.)

7. Dunn S., Dunn E. The Peoples of Siberia and the Far East. *Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*. Stanford, 1972.

8. Kolarz W. Russia and Her Colonies. London, 1953, 335 p.

9. Kappeler A. Russia – a Multi-Ethnic Empire. Moscow, 2000, 344 p. (In Russ.)

10. Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and Small Peoples of the North. Moscow, 2017, 512 p. (In Russ.)

11. Slocum J.W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii*. Moscow, 2005, pp. 502–531. (In Russ.)

12. Fyodorov M.M. Legal Status of the Peoples of Eastern Siberia (XVII – early XX century). Yakutsk, 1978, 220 p.

13. Koneva A.Yu. Aboriginal Peoples of the North-Western Siberia in the Administrative System of the Russian Empire (XVII – early XX century). Moscow, 1995, 220 p.

14. Shashkov S.S. Historical Essays. St. Petersburg, 1872.

15. Yadrinsev N.M. Siberia as a Colony. St. Petersburg, 1882, 472 p.

16. Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992, 476 p.

17. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011, 320 p.

18. Dahlmann D. Siberia from the 16th Century to the Present. Paderborn, 2009, 438 S. (In Germ.)

19. Stolberg E.-M. Siberia: Russia's «Wild East». Myths and Social Reality in the XIX and XX Centuries. Stuttgart, 2009, 329 S. (In Germ.)

20. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // Sibirica II. – Lancaster University, 1986, no. 2, pp. 6–15.

21. Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky. *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. Ed. by G. Hosking. London, 1990, pp. 96–207.

22. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London, 1999, 320 p.

23. Сандерланд В. Русские в Якутии? «Идущие вNative» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow, 2005, pp. 199–227. (In Russ.)

24. Schweitzer P. Silence and Other Misunderstandings: Russian Anthropology, Western Hunter-Gatherer Debates and Siberian Peoples. *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance and Self-Determination*. Ed. P. Schweitzer, M. Biesele and R.K. Hitchcock. New York, 2000, pp. 29–51.

25. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction. *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Ed. by P. Jordan. Left Coast Press, 2010, pp. 17–45.

26. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, 1999, 326 p.

27. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000, 270 p.

28. Znamenski A. «Vague Sense» of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's Status in Nineteenth Century Northeastern Siberia. *Arctic Anthropology*. 1999, vol. 36, no. 1/2, pp. 19–36.

29. Royce A. Ethnic Identity: Strategies of Diversity. Bloomington, 1982, 247 p.

Статья принята редакцией 30.10.2017